

Этот роман — для Дзюньитиро Танидзаки,
который написал «Ключ»
и «Дневник безумного старика»¹.

¹ Дзюньитиро Танидзаки (1886–1965) — японский писатель и драматург. «Ключ» (*Kagi*, 1956) и «Дневник безумного старика» (*Fūten rōjin nikki*, 1961) — его поздние романы, в которых речь идет о нереализованной сексуальности и человеческой невостремленности. — *Здесь и далее примеч. пер.*

СОМБРЕРО

«Сомбреро упало с неба и приземлилось на Главную улицу городка перед мэром, его родичем и одним безработным человеком. Пустынный воздух натер день до блеска. Синело небо. Синело, как человечесьи глаза, которые ждут, когда что-нибудь произойдет. Сомбреро упало с неба нипочему. Ни самолет, ни вертолет над головой не пролетали, и религиозного праздника тоже не случилось».

Первая слеза собралась в его правом глазу. Этот глаз всегда начинал плакать первым. За ним левый. Это любопытно, решил бы он, если б знал, что правый глаз плачет первым. Левый глаз плачет так скоро вслед за правым, что он не знал, какой глаз начинает, хотя первым плакал всегда правый.

Он был очень восприимчив, но недостаточно восприимчив, чтоб уяснить, какой глаз плачет первым. Ну, если возможно этот обрывочек информации превратить в какое-то определение восприимчивости.

«— Это что, сомбреро? — спросил мэр. Мэры всегда заговаривают первыми, особенно если в политике им не подняться выше должности мэра крохотного городишки.

— Да, — сказал его родич, который сам желал быть мэром.

Человек без работы ничего не сказал. Он ждал, куда подует ветер. Не хотел раскачивать лодку. В Америке остаться без работы — это вам не шутки.

— Оно упало с неба, — сказал мэр, глядя в абсолютно ясное синее небо.

— Да, — сказал его родич.

Человек без работы ничего не сказал, потому что хотел работу. Не хотел рисковать теми смутными шансами ее получить, что у него имелись. Для всех лучше, если болтать будут важные шишки.

Три человека поозирались, но не нашли ни одной причины, зачем бы сомбреро падать с неба, включая человека без работы.

Сомбреро на вид было совсем новое.

Лежало посреди улицы, маковкой уставившись в небеса.

Размер: 7¼.

— Чего это с неба падают шляпы? — спросил мэр.

— Не знаю, — ответил его родич.

Человек, который остался без работы, приглядывался, налезет ли шляпа ему на голову».

Теперь плакали оба глаза.

О господи...

Он потянулся к пишмашинке — так гробовщик застегивает ширинку мертвецу в гробу — и вытащил лист бумаги, на котором было все, что здесь написано, кроме его плача, о котором он и не подозревал, поскольку в последнее время много плакал; все равно что выпить стакан воды — выпиваешь ненароком, когда пить не хочется, а потом и не помнишь.

Он разорвал лист бумаги, где было все, что вы прочли о сомбреро. Разорвал очень тщательно, на мелкие клочки, и бросил на пол.

Завтра утром он начнет заново, напишет о чем-нибудь другом, без всяких упавших с неба сомбреро.

Его работа — писать книги. Он прославленный американский юморист. Не найти книжного магазина, где нет хотя бы одной его книги.

Следствие сомбреро

И чего он тогда ревет?

Ему что, славы мало?

Ответ довольно прост.

Ушла его японская подруга.

Бросила его.

Вот почему слезы наворачивались ему на глаза, которых он уже и не помнил, разве что по слезам, — теперь, с тех пор как ушла японка, слезы приключались каждый день.

Иногда он столько плакал, что ему чудилось, будто ему это снится.

ПО-ЯПОНСКИ

Когда Юкико спала, ее волосы спали вокруг нее долго и по-японски. Она не знала, что ее волосы спят. Протеину тоже требуется отдых. Она так не рассуждала. Мысли ее, если вдуматься, были очень просты.

По утрам она расчесывала волосы.

Это она проделывала перво-наперво, едва проснувшись. Всегда очень старательно их расчесывала. Иногда собирала в узел на макушке, совсем по-японски. Иногда распускала, и они доставали до самой попы.

В Сан-Франциско — вечер, самое начало одиннадцатого. Капли тихоокеанского дождя стучали в окно у постели, но Юкико не слышала, потому что крепко спала. Она всегда спала хорошо, а иногда подолгу, часов по двенадцать, и наслаждалась, словно это такое занятие, как пойти гулять или приготовить что-нибудь вкусное. Есть она тоже любила.

Он рвал лист бумаги со словами про сомбреро, упавшее с неба, а она спала, и волосы тоже спали подле нее, длинные и темные.

Волосам снилось, как их очень старательно расчесут наутро.

ПРИЗРАК

Он посмотрел на пол, на бумажные клочки, где говорилось о сомбреро, нипочему упавшем с неба, и от этого зрелища вдруг заплакал еще пуще.

С кем она спит? — думал он, а оба глаза помчались слезами, пытаясь вырваться вперед, внезапно понеслись наперегонки, обгоняя друг друга на щеках, будто у них тут Плачевная Олимпиада и их манят грезы о золотых медалях.

Он представил ее в постели с другим мужчиной. Мужчина, которого он сочинил ей в любовники, не имел четкого тела, или цвета волос, или даже черт. Ее воображаемый любовник был лишен костей, плоти или крови. Мужчина, которого он уложил с ней в постель, был силовая энергия призрака с пенисом.

Вероятно, если это возможно, он бы заплакал сильнее, узнай он, что она спит одна. Это бы его только больше опечалило.

МОРЯК

Куда он денет остаток ночи? Ноябрь, четверть одиннадцатого. Он не хотел смотреть одиннадцатичасовые новости. Не был голоден. Не хотел выпить. Знал, что, если попробовать почитать, книжные страницы поплывут в его слезах.

Поэтому он думал о том, как она трахается с кем-то другим. Думал о безымянном лице, другом мужчине, чей пенис входит в нее. Представил, как она стонет и ерзает под тяжестью члена другого мужчины. Такие мысли ему были ни к чему, но он цеплялся за них, словно тонущий моряк за доску посреди океана без горизонтов.

Затем он посмотрел на бумажные клочки под ногами. С чего бы сомбреро падать с неба? Разодранные бумажные клочки никогда ему не скажут. Он сел среди них на пол.

СТЁРКА

Японка спала дальше.

Юкико легла в постель ужасно усталая. У нее выдался тяжкий день. На работе она только и мечтала вернуться домой и лечь спать, а теперь так и есть: она дома и спит.

Ей снился крошечный сон про детство. Сон, который она не вспомнит, когда проснется утром, и вообще никогда не вспомнит.

Он исчез навсегда.

Вообще-то, он исчез, пока она его смотрела.

Стер сам себя, ей показываясь.

ДЫШАТЬ

Он с ней познакомился, когда сильно напился как-то вечером в Сан-Франциско. Она после работы с какими-то сослуживицами отправилась в бар. Она не любила пить, поскольку типично по-японски быстро напивалась, а кроме того, ей не нравилось, как алкоголь плещется в ее теле. У нее от этого кружилась голова.

Поэтому в бары она ходила нечасто.

В тот вечер она закончила работу и устала, но две сослуживицы уговорили ее пойти с ними в бар неподалеку, где тусуется молодежь.

Развернувшись на барном табурете, очень пьяный — не чуждое ему состояние, — и увидев, как она сидит в своей белой форме, он и знать не знал, что спустя два года сядет на пол среди бумажных клочков про сомбре-ро, упавшее с неба, и глаза его станут извергать слезы, будто горный ручей по весне, и пойти ему навсегда будет некуда, и жизнь его устанет им дышать.

ПРИГОРОД

Юкико перекатилась на бок.

Вот так обыкновенно, вот так просто.

Тело ее в движении было крошечным.

И волосы последовали за ней — им снилась она, она движется.

Кошка, ее кошка, спавшая с нею, проснулась от движения и поглядела, как Юкико медленно ворочается в постели. Когда Юкико замерла, кошка вновь уснула.

Черная кошка — наверное, пригород ее волос.